

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

С. И. Вайнштейн

Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов [до начала XX века]

Развернувшаяся на страницах журнала «Советская этнография» дискуссия о соотношении родовой и патронимической организации¹ вполне своевременна, так как накопление в советской и мировой науке новых фактических материалов требует их теоретической разработки. Вместе с тем, думается, что необходимо дальнейшее выявление и изучение конкретных этнографических фактов, имеющих отношение к дискутируемым проблемам.

Довольно широко распространено мнение, что у сибирских народов, в связи с коренной перестройкой их быта и культуры, в настоящее время уже очень трудно, если не невозможно, методами полевой этнографии изучать вопросы их традиционной социальной организации. Однако опыт показывает, что такого рода исследования поныне вполне возможны.

В этой связи хотелось бы привести некоторые данные о родовой структуре и патронимической организации у тофаларов (карагасов) до начала XX в., основанные главным образом на полевых материалах, собранных мною в 1966 г.²

В научной литературе принято считать, что тофалары до революции делились на 5 родов — Каш, Сарыг-каш, Чогду, Кара-чогду и Чептей³. Однако видный исследователь народов Сибири М. А. Кастрен отметил у тофаларов (карагасов) в середине XIX в. и другие родовые названия, а именно: Иргэ, Тарак, Тулай и Богошэ⁴. Кроме Кастрена никто из других ученых и путешественников, в том числе этнографов, изучавших тофаларов, ни разу не фиксировал у них этих названий. Последнее обстоятельство побудило современных исследователей этнографии на-

¹ М. В. Крюков, О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации (к постановке вопроса), «Сов. этнография», 1967, № 6; Н. А. Кисляков, По поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации», «Сов. этнография», 1968, № 2; Н. А. Бутин, Община, семья, род, «Сов. этнография», 1968, № 2.

² Полевые исследования под руководством автора велись Тофаларским отрядом Северной экспедиции Ин-та этнографии АН СССР в Нижнеудинском районе Иркутской области. Помимо автора в работе отряда участвовал сотрудник Ин-та этнографии АН СССР Я. В. Чеснов, в задачу которого входило изучение охотничьего промысла у тофаларов.

³ Н. Ф. Катанов, Поездка к карагасам в 1890 г., «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XVII, вып. 2, 1891, стр. 141; В. Радлов, Этнографический обзор турецких племен Южной Сибири и Монголии, Иркутск, 1929, стр. 5; В. Н. Васильев, Краткий очерк быта карагасов, «Этнографическое обозрение», 1910, кн. 84, № 1—2, стр. 74; Б. Э. Петри, Охотничьи угодья и расселение карагас, Иркутск, 1927, стр. 13; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1962, стр. 256.

⁴ М. А. Castren, Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849, SPb, 1856, S. 389—391. Русский перевод: А. Кастрен, Путешествие в Сибирь, «Магазин земледелия и путешествий», т. VI, М., 1860, стр. 429.

родов Сибири предположить ошибочность сообщения Кастрена о существовании у тофаларов в середине XIX в. родов Иргэ, Тарак, Тулай и Богошэ⁵.

Нельзя было, конечно, исключить и мысль о том, что ученый, отличавшийся тщательностью и добросовестностью в собирании этнографического материала не ошибся, а указанные им тофаларские (карагасские) роды в силу каких-то исключительных обстоятельств после поездки Кастрена исчезли и вскоре были забыты местными жителями.

Вопрос о реальном родовом составе тофаларов имеет важное значение для решения проблемы этногенеза как самих тофаларов, так и родственных им тувинцев, в особенности тувинцев-оленеводов. Трудно было предположить, что ныне загадка четырех тофаларских родовых названий, зафиксированных Кастреном, может быть разрешена — ведь со времени его поездки прошло около 120 лет. И тем не менее, полевые поиски этих названий в наши дни оказались не безрезультатными.

В ходе проведенных исследований у тофаларов удалось установить, что вплоть до начала XX в. у них было не пять родов, как считалось в этнографической литературе, а восемь⁶: Кара-йогду (Кара-йогды)⁷, Чогду (Чогды), Чептей, Кара-хаш, Тырк-хаш (Тарк-хаш), Иргэ-хаш, Тенек-хаш и Сары-хаш⁸).

Таким образом было подтверждено существование впервые отмеченных Кастреном родов Иргэ (Иргэ-хаш) и Тарак (произносимого ныне Тырк-хаш), а также установлено, что в состав тофаларов в XIX в. входил род Кара-хаш (старики-тофалары помнят еще последнего мужчину из этого рода, умершего в конце 90-х гг. прошлого века)⁹. Что касается названий Тулай и Богошэ, то на них мы остановимся ниже.

Роды «нён» тофаларов составляли группы родственников, которые осознавали свое происхождение от общего предка (в мифах о родоначальниках прослеживаются следы тотемизма), имели общеродовое имя, общую территорию расселения, были экзогамны и сохраняли некоторое идеологическое единство, проявлявшееся в культуре.

Экзогамия в тофаларских родах соблюдалась вплоть до начала XX в. Этнограф В. Н. Васильев писал о тофаларах в 1910 г.: «Родство при женитьбе соблюдается строго. Брать жену внутри рода нельзя, так как тут все родня, безразлично — будет ли то родня дальняя или близкая»¹⁰. Аналогичная картина наблюдалась у родственных тофаларам тувинцев-тоджинцев¹¹.

Дети считались принадлежащими к роду отца, если последний был известен. В тех довольно частых случаях, когда отец оставался неизвестен, родовая принадлежность детей определялась по матери. Такое положение вызывалось относительно большой половой свободой добрачной жизни у тофаларов, отмеченной многими дореволюционными исследова-

⁵ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 256.

⁶ Моими информаторами были: Ангыштаева М. С. (1876 г. рожд.), Мухаев П. Н. (1894 г. рожд.), Кангараева Е. М. (1884 г. рожд.) и др.

⁷ В этнографической литературе принято ошибочное написание этого рода: «Кара-чогду». Однако то, что в русских документах уже в XVII в. улус, в который входил род Кара-йогду, именовался югдинским (см.: Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 255) позволяет думать, что и тогда этот род носил название Кара-йогду (ср.: йогду — югду), а не Кара-чогду.

⁸ В этнографической литературе принято ошибочное написание данного этнонима: «Сарыг-хаш».

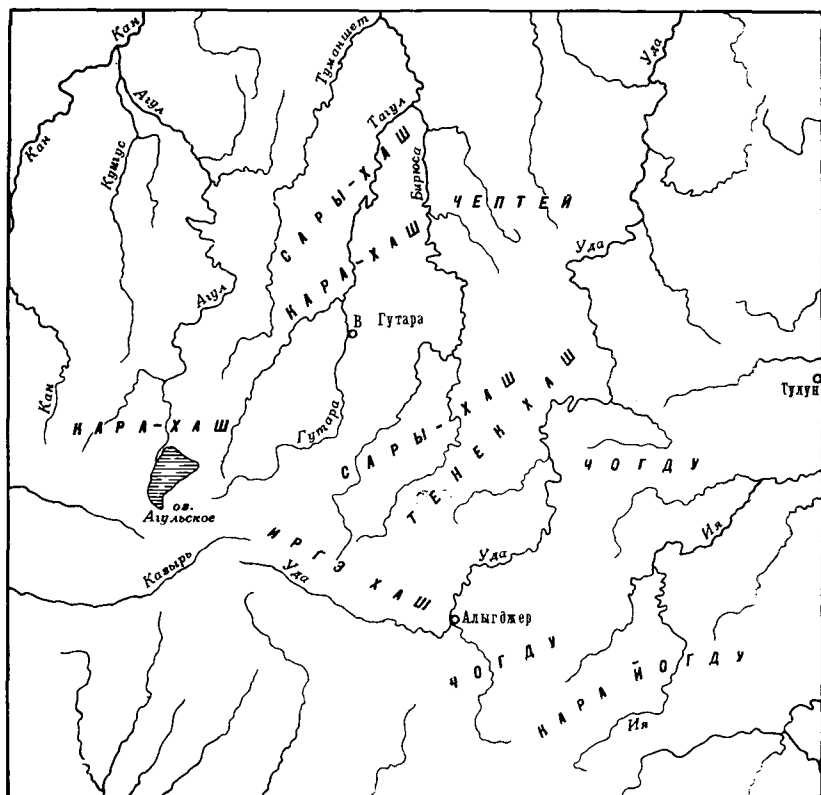
⁹ Впервые о карагасском роде писал П. С. Паллас (см.: П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, т. III, СПб., 1788, стр. 424).

¹⁰ В. Н. Васильев, Указ. раб., стр. 62.

¹¹ См.: С. И. Вайнштейн, Тувинцы-тоджинцы, М., 1961, стр. 137.

телями, в частности В. Н. Васильевым¹². Аналогичная картина наблюдалась у тувинцев¹³.

Род у тофаларов в XIX в. не играл никакой роли в хозяйственной жизни и все его функции сводились главным образом к регулированию семейно-брачных отношений.

Расселение тофаларских родов во второй половине XIX в.

В конце XIX в. семьи, главы которых вели свое происхождение от указанных выше родов, были расселены преимущественно следующим образом: из рода Кара-йогду — в юго-восточной части нынешнего Нижне-Удинского района, а также частично на территории Тулунского района Красноярского края по рекам Утнум, Ия, Барбитай, Ишбит. Чогду кочевали в юго-восточной части нынешнего Нижнеудинского района по р. Кара-Бурень; в верховьях рек Додот, Кадрос, а также в Тодже по р. Хангорок. Тырк-хаш и Тенек-хаш жили по р. М. Бирюсе, Нерхе, Огниту; род Чептей — по Б. Бирюсе; Сары-хаш — по рекам Агул, Телехаш, Тейба, Кара-Хем; Кара-хаш — от верховьев р. Гутары по рекам Казыру, Кизиру, верховьям Кана; Иргэ-хаш — по р. Уде (см. карту расселения тофаларских родов во второй половине XIX в.).

¹² В. Н. Васильев, Указ. раб., стр. 61—62.

¹³ М. Райков, Отчет о поездке к верховьям р. Енисея, совершенной в 1897 г., «Известия Русского географического общества», т. 34, вып. 4, 1898, стр. 447; Ф. Кон, Экспедиция в Сойотию, «За пятьдесят лет», т. III, М., 1934, стр. 128; С. И. Вайнштейн, Указ. раб., стр. 136—137.

Чем же можно объяснить, что исследователи отмечали у тофаларов во второй половине XIX и начале XX в. иную родовую структуру? По всей вероятности, это было вызвано тем, что российские власти еще в XVII в. разделили тофаларов на пять административных единиц, именованных «улусами»¹⁴, и не отражавших, во всяком случае в XIX в., достаточно точно их реальный родовой состав. Возможно административные улусы, установленные у предков тофаларов в XVII в., совпадали с родами, хотя, как отмечает Б. О. Долгих, Югдинский улус в XVII в. первоначально был образован из двух родов — Кара-йогду и Чогду, причем последний затем выделился в самостоятельный Сильпигурский улус¹⁵. Позднее, в XVIII и XIX вв., родовой состав мог претерпеть изменения. Одни роды вымерли, другие — наоборот разрастались и делились. Видимо, информаторы-тофалары, отвечая во второй половине XIX — начале XX в. на вопрос о родах, сообщали сведения о пяти административных улусах.

Тофаларские роды были так распределены по улусам: Югдинский улус включал род Кара-йогду, Сильпигурский улус — род Чогду, в Кангатский улус входили роды Тырк-хаш, Иргэ-хаш и Тенек-хаш, в Маньчжурский — род Чептей, в Карагасский — роды Кара-хаш и Сары-хаш¹⁶.

По данным Г. Миллера (30-е годы XVIII в.), Карагасский, Кангатский и Сильпигурский улусы предков современных тофаларов находились в горно-таежном районе у истоков рек Уды и Бирюсы, а Югдинский («Еуданский») — у истоков Ии и Оки¹⁷.

Представляют интерес формы самоуправления тофаларских улусов, хотя они и были в значительной мере определены известным уставом «Об управлении инородцев», введенном российскими властями в начале XIX в. Во главе каждого из пяти тофаларских улусов стоял шуленга («улуг баш», т. е. большая голова). Шуленга избирался раз в три года на суглане — собрании всех взрослых мужчин, для участия в котором съезжались тофаларские семьи. В избрании участвовали мужчины, достигшие 16 лет (с того времени, когда начинали платить ясак). Выбирались лица старше 20 лет. Помимо шуленги на суглане выбирали старшину-судью — «таршина» и улусных начальников — «дарга». Обычно на суглан съезжалось около 40—50 наиболее обеспеченных семей, так как малоимущие не могли далеко кочевать. Избранными также были наиболее обеспеченные люди. На общих собраниях взрослых тофаларов-мужчин из всех улусов решались основные общественные дела. В. Васильев писал в 1910 г.: «Все крупные общественные дела, как то:

¹⁴ Термин «улус» впервые встречается в древнемонгольских письменных памятниках как название для объединения родов, поколений, племен с точки зрения властвующих лиц — хана, нойона. Причем улус у них далеко не совпадает с племенем или родом. См.: Б. Я. В л а д и м и р ц о в, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 97. Улусом иногда называют стойбища монголов и бурят (см. М. В. П е в ц о в, Путешествие по Китаю и Монголии, М., 1951, стр. 109—110; А. Ш а п о в, Бурятская улусная родовая община, «Известия Сибирского отдела Русского географического общества», т. V, вып. 3, 1875). Улус в современном тофаларском языке, как и в монгольском (точнее: «улс»), употребляется в значении «народ»; см. также: Л. П. Л а ш у к, Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов, «Сов. этнография», 1968, № 1.

¹⁵ Б. О. Д о л г и х, Указ. раб., стр. 255. Роды Тырк-хаш, Иргэ-хаш, Тенек-хаш, Сары-хаш, Кара-хаш отражают в своих названиях связь с самодийской родо-племенной группой Хаш, участвовавшей в этногенезе тофаларов. Вопросы происхождения отдельных родов тофаларов в данной статье не рассматриваются. Отметим лишь, что этногенез их весьма сложен. В формировании тофаларов участвовали самодийские, тюркские, кетские, а возможно монголоязычные и тунгусские компоненты.

¹⁶ Считалось, что Карагасский улус состоял из одного рода Сарыг-хаш, т. е. Сары-хаш (см. Б. О. Д о л г и х, Указ. раб., стр. 254).

¹⁷ ЦГАДА, ф. 199, № 526, ч. II, тетр. 9, лл. 28—29; Б. О. Д о л г и х, Указ. раб., стр. 256; см. также карту распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в., приложенную к указ. работе Б. О. Долгих.

распределение податей, разбор служебных тяжб, выборы властей, воспомоществование вдовам и прочее решается самим обществом»¹⁸. Важная роль «административных родов» (улусов) вытесняла у тофаларов представление об их исконных родах (нён), сохранявших главным образом, как отмечалось выше, функции регулятора семейно-брачных отношений.

В отличие от некоторых других тюркских народов, у тофаларов в рассматриваемое время термин «аал» (аул) означал не столько стойбище из нескольких совместно кочующих семей, сколько определенную социальную ячейку, которая еще в конце XIX в. имела достаточно ярко выраженные черты патронимической организации, существовавшей наряду с родом «нён». Выявленная мною патронимия у тофаларов представляла собой группу родственных малых семей, главы которых вели свое происхождение от одного предка по мужской линии. Каждая патронимия имела свое устойчивое название. Образующие ее семьи были связаны не только родством глав семей, но и хозяйственно и идеологически (в сфере культа). Ее генеалогическую основу составляли мужчины, принадлежавшие к одному роду. К этому же роду относились их незамужние сестры и дочери. Мы называем вслед за Ю. И. Семеновым¹⁹ группу лиц, составляющих генеалогическую основу патронимии, ее генеалогической группой. В отличие от рода, не включавшего женщин-чужеродок, последние считались членами патронимической организации. Поныне почти все тофалары старшего поколения знают как свою патронимию, так и род, из которого они происходят.

Отметим названия отдельных патронимий и распределение их генеалогических групп по родам. К роду Кара-йогду относились патронимии Тайга-аалы, Хого-аалы, Отрум-аалы, Мухай-аалы; к роду Чогду — Амостай-аалы, Мухай-аалы, Тобулай-аалы, Буучей-аалы, Киштей-аалы, Хыкый-аалы, Андылай-аалы, Хыямай-аалы; к роду Сары-хаш — Калдыный-аалы, Балыкай-аалы, Мамокай-аалы; к роду Тенек-хаш — Буктурбай-аалы; к роду Ирге-хаш — Сагай-аалы; к роду Тырк-хаш — Торгой-аалы; к роду Кара-хаш — Ырея-аалы; к роду Чептей — Тулай-аалы и Алаштайга-аалы.

Часть патронимий состояла из семей, носивших одну фамилию. Так, в Сагай-аалы входили лишь Сагановы, в Ырея-аалы — только Ыреяковы, в Хыямай-аалы — только Хомлюевы, в Тулай-аалы — Тулаевы. Но были патронимии, в которые входили семьи, носившие разные фамилии. Например, в Тайга-аалы входили Токуевы и Унгуштаевы, в Хого-аалы — Арантаевы, Изотовы, Баканаевы и т. п. Такие субпатронимические группы, хотя главы составлявших их семей и осознавали большее родство между собой, не имели специфических внутривозрастных связей, которые в какой-то мере выделяли бы эти семьи из других семей данной патронимии. Таким образом следующей за малой семьей экономической ячейкой тофаларов была не субпатронимия, а патронимия. Однако существование в пределах одной патронимии семей с разными фамилиями отражало, вероятно, процесс их разрастания и постепенного образования новых патронимий, возникавших на основе генеалогических групп с одной фамилией.

Патронимические аалы из семей, носивших различные фамилии, назывались по местности, где располагались земли патронимии; если же входившие в нее семьи имели одну фамилию, то патронимия именовалась по этой фамилии. Из изложенного очевидно, что термин «патронимия» в его буквальном значении применительно к описанной форме социальной

¹⁸ В. Н. Васильев, Указ. раб., стр. 75.

¹⁹ Устное сообщение Ю. И. Семенова.

организации не вполне подходит. Возможно, в процессе развернувшейся дискуссии будет найден более удачный термин, однако мы сохраняем в данной статье термин патронимия (патронимическая организация), как получивший наибольшее распространение в советской этнографической науке.

По-видимому, не все тофаларские патронимические генеалогические группы можно выводить из тех родов, к которым они себя причисляют. Так патронимическая группа Тулай, наименование которой было впервые зафиксировано Кастреном как родовое, вероятно, составляла в середине XIX в. отдельный род, позднее сократившийся в численности и породнившийся с родом Чептей. То же, видимо, имело место и с патронимической группой Сагай, название которой можно сопоставить с родом Сагай, известным в русских источниках XVII в. как род кыргызских кыштымов, а позднее как род в составе хакасов²⁰. Что касается родового названия Богоше, то, по-видимому, оно сохранилось в старинной, ныне не существующей тофаларской фамилии Богучей, о которой помнили некоторые из моих информаторов (ср. Буучей-аалы).

В пределах патронимии действовали обычаи взаимопомощи. Они распространялись на вдов, а также на семьи, потерявшие оленей. Вдов поочередно содержали все семьи патронимии. Безоленным семьям более обеспеченные оленеводы давали на определенный срок оленей, которые должны были быть возвращены с приплодом их владельцу. Некоторые богатые оленеводы использовали этот обычай взаимопомощи как своеобразную форму эксплуатации обедневших сородичей.

Патронимии в прошлом наряду с родовыми священными местами, где шаманами проводились родовые моления, имели свои священные места, на которых происходили «аал дагыр» — моления семей, входивших в патронимию.

Каждая патронимия, как уже отмечалось, состояла из отдельных малых семей «огуште», имевших в своей собственности оленей, орудия промысла, жилище, утварь и т. п. Эти семьи кочевали как совместно, так и раздельно. Совместное кочевание семей, входивших в патронимию, имело место чаще в летние месяцы, раздельное — в зимние. Зимой число семей в одном стойбище сокращалось до 2—3, летом увеличивалось до 8—10, а иногда даже до 15—16. В прошлом, по рассказам стариков, это были семьи одной патронимии. Все семьи стойбища совместно выпасали оленей, строили лабазы для припасов и зимних вещей и совместно участвовали в разделе мяса диких копытных, добытых на промысле.

Хозяйственные связи патронимии определялись прежде всего совместным владением землей, т. е. промысловыми угодьями. На это обратил внимание впервые Б. Э. Петри, который писал: «Земля каждого рода... разделена между отдельными фамилиями... Каждая фамилия имеет свои ключи и речки, куда все хозяйства, входящие в нее, отправляются к началу промысла»²¹. «Внутри же фамилий... разделения земли между отдельными хозяйствами — семьями нет, и все братья, родные, двоюродные, дядья и т. д., промышляют вместе»²². К сожалению, патронимий, состоящих из нескольких фамилий, Б. Э. Петри не выявил.

Изложенное выше показывает, что патронимия у тофаларов была одной из форм общины.

В XIX — начале XX в. шло разложение патронимической организации, заметно развивалось имущественное неравенство между отдель-

²⁰ Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957, стр. 271—272.

²¹ Б. Э. Петри, Указ, раб., стр. 25.

²² Там же.

ными семьями в пределах патронимии²³. Это в свою очередь вело к распаду патронимических стойбищ. Как говорили старики-тофалары, кочевать вместе предпочитали семьи с более или менее одинаковым имущественным уровнем. Аналогичное положение было у тувинцев-тоджинцев²⁴. В этих условиях часто в одном стойбище жили не семьи одной патронимии, а семьи, члены которых были связаны либо узами свойства, либо вообще «чужие». Но нужно сказать, что все семьи стойбища — и «свои» и «чужие» — участвовали в совместном выпасе оленей, разделе мяса копытных, добытых на промысле и т. п. В сущности, на смену патронимическим объединениям приходили соседские общины, в которых родственные отношения играли все меньшую роль.

Наряду с соседскими общинами в процессе социальной дифференциации возникали байские хозяйства: семьи богатых оленеводов были заинтересованы в совместном проживании с безоленными или почти безоленными семьями бедняков, которые могли бы их обслуживать. Такие стойбища состояли из семей богатых оленеводов, с которыми жили одна или несколько семей бедняков, работающих на бая. Так, в начале XX в., по данным информаторов, у тофаларов был крупный бай П. И. Шипкеев, который владел более чем ста оленями. Этот бай постоянно жил в одном стойбище с бедняком Е. С. Баканаевым — представителем другой патронимии, который за помощь баю в содержании его оленей получал право охотиться на оленях, принадлежавших баю, использовать их при перекочевках.

Таковы основные материалы о роде и патронимии у тофаларов, собранные во время поездки 1966 г. Надеюсь, что дальнейшие исследования позволят найти следы патронимической организации также и у других народов Сибири.

Аалы тофаларов могут быть сопоставлены не только с подобными объединениями у других оленеводческих народов, но и у степных кочевников-скотоводов Евразии. Аальная община, состоявшая из нескольких совместно кочующих семей, образующих определенную социальную единицу, известна у широкого круга скотоводческих народов Азии. Небольшие по числу входящих в них семей аалы были наиболее целесообразной формой первичного хозяйственного объединения в условиях кочевого быта, когда необходимость в свободных пастбищах для скота заставляла ограничивать число юрто-хозяйств в одном стойбище. Такие объединения известны на всем протяжении существования кочевничества. Они возникли вместе с появлением кочевых форм быта. Длительное время в таких объединениях важную роль играло кровное родство глав семей, входивших в патронимию. Именно с патронимией, а не с родом, надо полагать, связаны появляющиеся у ранних кочевников Саяно-Алтая (скифское время) цепочки курганов. Однако социальная сущность аальных общин различалась на разных этапах исторического развития — от патронимических коллективов с ядром из кровных родственников по мужской линии, как мы это наблюдаем у тофаларов в XIX в., до соседских общин и наконец хозяйств, состоящих из богатого скотовода и обслуживавших его семей бедняков, что было характерно в конце XIX — начале XX в. для родственных тофаларам тувинцев²⁵.

²³ В тофаларском языке еще в конце XIX в. имелись термины для обозначения богатых оленеводов (бай киж), бедняков (туренге), у которых было менее 10 оленей, и, наконец, безоленных (чодах), т. е. пеших.

²⁴ С. И. Вайнштейн, Указ. раб., стр. 130.

²⁵ С. И. Вайнштейн, Род и кочевая община у восточных тувинцев (XIX — начало XX в.), «Сов. этнография», 1959, № 6; Л. П. Потапов, Очерки этнографии тувинцев левобережья Хемчика, «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. II. М.—Л., 1966, стр. 22.

Аальная организация кочевников, существовавшая наряду с родом и носившая на раннем этапе патронимические черты, прослеживается по источникам уже в домонгольскую эпоху. Так, например, аальная (аильная) форма кочевания отмечена у монголов уже в XI—XII вв.²⁶ К сожалению, эта форма социальной организации кочевников поныне остается не исследованной в ее историческом развитии. Изучение развития патронимии у кочевников представляет тем больший интерес, что она заметно отличается от тех ее форм, которые известны у оседло-земледельческих народов.

Приведенные материалы по тофаларам показывают, что отцовский род и патронимия, различаясь по своей структуре и функциям, сосуществуют у них одновременно. Патронимия является одной из разновидностей общины. Как и всякий социальный организм патронимия имеет свою историю. Возникнув в недрах родового строя, она достигает своего расцвета в условиях его разложения, и разрушается в классовом обществе.

SUMMARY

The author has established the existence of eight gentes (nōn) among the Tofalar. These are: Kara-jogdu, Chogdu, Cheptey, Kara-Khash, Tyrk-Khash, Irgo-Khash, Tenek-Khash, and Sary-Khash. The existence in the first half of the 19th century of the Tulai and the Bogoshö gentes (first brought to light by Kastren) has been confirmed. The gentes were groups of relatives (in the male line) who thought of themselves as descended from a common ancestor (in the ancestor myths remnants of totemism may be traced), had a common gens' name, common territory, were exogamous, and retained certain traits of ideological unity (manifested in their religious ceremonies). Almost the only function of the gens was the regulation of marriage. The Tofalar gentes are of Samodiyan, Ket, and Turkic origin. The turkization of the Tofalars began long before the 17th century, probably at the end of the 1st Millennium A. D.

Side by side with the gentes there were patronymic groups — the aals; their heads were related through the male line. Women were considered members of the patronymy. The families of one patronymy periodically migrated together, held their hunting grounds in common, were linked by mutual aid. The name of the patronymy either coincided with the name of its member families or was taken from the name of its area of residence. This last was the case if groups of member families (subpatronymies) had different names. The author compares the Tofalar patronymy with the aal (aul) of nomad herdsmen of Asia and notes that in the course of historical evolution they changed their social nature from patronymic groupings to neighbourhood communities.

²⁶ Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, стр. 37.